Ефрем Сирин

О РАЕ

Преподобный Ефрем Сирин
О Рае

Текст предоставлен правообладателемhttp://www.litres.ru
О рае: Сибирская Благозвонница; М.; 2010
ISBN 978-5-91362-237-2

Аннотация

Преподобный Ефрем Сирин (IV в.) – один из великих подвижников Церкви. Стяжав смирение, кротость, покорность Промыслу Божию, он стал для многих учителем покаяния, веры и благочестия. В своей подвижнической жизни преподобный Ефрем много времени уделял изучению Священного Писания, черпая в нем для своей души умиление и мудрость. Им написано много молитв и песнопений, обогативших церковное Богослужение, а также труды высокого духовно-нравственного содержания.

Небольшое произведение преподобного Ефрема, предложенное читателю, – это гимн-размышление о рае, из которого были изгнаны Адам и Ева, – о духовном рае, как небесном отечестве для каждого христианина.

Содержание

Преподобный Ефрем Сирин
О рае

По благословению митрополита Ташкентского и Среднеазиатского ВЛАДИМИРА

1.

Моисей, который всем преподал учение в небесных книгах своих, этот вождь Евреев, и меня, как ученика, да научит своим Пятикнижием, этою сокровищницею откровения. В нем раскрыта история едемского сада; по наружности только описанный, он величественен по сокровенным в нем тайнам, и кратко изображенный, дивен по своим растениям.

Долго порывался я страхом и любовию. Любовь призывала меня внимательно рассмотреть рай, а страх его величия удерживал от такой пытливости. Наконец, то и другое соединил я с мудростию. Благоговейно чтя сокровенности рая, я исследовал одно то, что открыто в нем. Одно исследовал для собственного приобретения, о другом умолчал для собственной же пользы.

Радостно приступил я к истории рая. Немного в ней для чтения, но очень много для исследования. Уста читали открытое в повествовании, а дух, воспаряя трепетно, возносился в исследование славы рая, однакож не мыслию – постигнуть, что такое рай сам в себе, а желая изведать его, сколько дозволено сие человеку.

Духовным оком воззрел я на рай. Вершины всех гор низки пред его высотою. Едва пяты его касались высокие волны потопа; благоговейно лобызали стопы его, и возвращались назад, подавить и попрать вершины гор и высот. Одну пяту рая лобызал потоп, сокрушивший всякую высоту.

Но как ни высоко поставлен рай, не утомляются восходящие туда, не обременяются трудом наследующие его. Красотою своею исполняет он радости и влечет к себе шествующих, осиявает их блистанием лучей, услаждает своим благоуханием. Светоносные облака образуют из себя кущи для соделавшихся достойным его.

Нисходят из кущей своих сыны света, и радуются на той земле, где были они гонимы; ликуют на хребте моря и не утопают, где не утопал и Симон – камень. Блажен, кто видит, что и возлюбленные его с ними же вместе, и здесь долу в их сонмах, и там горе в их обителях!

Колесницы их – облака с легкостью несутся по воздуху. Каждый воспарит во главе тех, которых он обучал. Подвижнические труды его стали для него колесницей, а сонм учеников его – славным его сопровождением. Блажен, кто увидит Пророков, воспаряющих с ликами их, и Апостолов – с сонмами их! *Иже сотворит и научит, сей великий наречется в Царствии Небеснем* (Мф. 5, 19).

Далек от взоров рай, недосязаем он для ока; поэтому, можно отважиться изобразить его разве только в сравнениях. В светлом венце, какой видим около луны, представляй себе рай; и он так же окружает и объемлет собою и море и сушу.

Но неудержимы уста мои, не насыщаются сладостию рая; представим и другие его подобия. Моисей сделал венец на величественном жертвеннике; золотым венцом увенчал он жертвенник. Таков и рай, – этот прекрасный венец, увенчивающий всю вселенную.

Когда же согрешил Адам; изгнал его Бог из рая, и по благости Своей дал ему жилище вне райских пределов, поселил в долине, ниже рая. Но люди грешили и там, и за это рассеяны. Поелику соделались недостойными обитать близ рая; Бог повелел ковчегу удалить их на горы Карду.

Разделились семейства двух братьев. Каин отошел прочь и стал жить в земле Иуд, ниже мест, где обитали семейства Сифа и Еноса. Но потомки обитавших вверху и именовавшихся сынами Божиими оставили страну свою, сошли вниз и вступили в супружество с дщерями человеческими, с дщерями тех, которые обитали внизу.

Сыны света пребывают в горних обителях рая, и оттуда в пропасти видят богатого. Возводит он очи свои, видит Лазаря, взывает к Аврааму, прося умилосердиться над ним. Но щедролюбивый Авраам, сострадавший о Содоме, оказывает себя немилосердным к тому, кто сам не был милосерд.

Бездна отлучает богатого от любви, бездна разделяет праведников и грешных, чтобы первые не привязывались любовью к последним, чтобы добродетельные не чувствовали мук, видя в геенне своих сыновей, братьев и сродников, чтобы матерь не скорбела о нечестивом сыне, и госпожа о служанке, с которою вместе росла и училась.

С осклаблением взирают там потерпевшие гонения на своих гонителей притесненные на притеснителей, умерщвленные на убийц, Пророки на побивших их камнями, Апостолы на распинавших их. Сыны света из горних обителей своих приникают на нечестивых, и смотря на дела их, дивятся, почему, утратив надежду спасения, предались они нечестию.

Горе тому, кто гнусные дела свои утаевал во тьме, кто грешил и скрывался, чтобы обмануть всякого, кто видит его, нечествовал и лгал, чтобы обмануть всякого, кто слушает его. Господи, да покроют меня крыла благости Твоей; потому что перстами будут там указывать на грешника, и непрестанно разглашать срамоту и тайные дела его.

Мое дерзновение не смеет простираться далее мною сказанного. Но, может быть, найдется кто-нибудь более меня дерзновенный, и он скажет, что незнающих и неразумных, которые грешили по неведению, однако же должны понести наказание, как виновные, Благий поселит возле рая, и будут они питаться от райских крупиц.

Но и сих обителей, которые так малы и презренны пред райскими обителями, алчут и вожделевают опаляемыя в геенне. Мучение их усугубляется, когда взирают на журчащие пред ними источники сих обителей; вожделевал их и богатый, но не нашел, кто устудил бы язык его. Внутри у страждущих огнь; пред ними – вода.

2.

Блажен, кто вожделевает рая, его вожделевает и рай; с радостию приемлет во врата свои, заключает в объятия свои; услаждает песнопениями на лоне своем; разверзает ему недра свои и покоит в них. Но отвращается и убегает он от того, кто сам отвращается от рая; потому что райская дверь есть дверь испытующая, хотя и любит людей.

Поэтому здесь запасись ключом от рая, и возьми его с собою. Разумна эта дверь, которая столько вожделевает тебя, так радуется и веселится о тебе; как ведущая, премудро измеряет она входящих в нее, мал ли кто, или велик, по росту и по достоинству каждого сама расширяется, и своею мерою показывает, кто совершен, и кто недостаточен.

Люди видят, что все погибло: богатства не стало, плотских удовольствий нет, красота и владычество исчезли и миновали воспоминают там об этом и скорбят о том, что мучатся, узнают, что приобретенное ими – один сон, богатство их – тень.

Утратили они, что было у них, и нашли, чего не было; какие блага любили, те отлетели; а горе, которое ненавидели, постигло их. На что полагали надежду, того уже нет; чего не боялись, то нашли. И стенают, что унижены и окрадены, что прежняя обитель была обманчива, а настоящее мучение действительно, что покой их исчез, и наказание не прекратится.

Видят и праведники, что страдания их миновались, скорби были временны, бремя невечно, как-будто никогда не ощущали они тесноты, и пост их был как бы сновидение,

после которого восстают они как от сна, и обретают рай и уготованную пред ними трапезу царствия.

Для чуждых рая недоступна высота его, но сам он преклоняет лоно свое к восходящим в него; радостный взор обращает на праведников, заключает собою весь мир, объемлет великое море; он горним – ближний, присным – друг, а чуждым – враг.

Видел я в ограде его плодоносные смоковницы. Осужденным приятно было бы соплесть себе венцы из листьев их, и обнажившимся желалось бы прикрыться их листьями, но они постыжают обнаженного, и хотя прикрывают наготу его, но ввергают в скорбь; потому что в стране славы самая одежда для обнаженного есть бесславие.

Кто в состоянии исчислить красоты рая? Прекрасно устройство его, блистательна каждая часть его, пространен рай для обитающих в нем, светлы чертоги его; источники его услаждают своим благоуханием, но когда изливаются они к нам, теряют свое благоухание на нашей земле; потому что получают вкус земной, пригодный для нашего пития.

Та воля, которой покорствует все, собрала воды, орошающие рай, в виде потоков, заключила их в земле, и повелела им исходить подобно тому, как образует она воды в недрах облаков, и они разливаются в воздухе, по мановению сей воли.

Украсил и уразнообразил красоты рая исткавший их Художник; степень степени украшеннее в раю, и сколько одна над другою возвышается, столько же превосходит и красотою. Для низших назначил Бог низшую часть рая для средних – среднюю, а для высших – самую высоту.

Когда праведники взойдут на степени, назначенные им в наследие, тогда каждый, по мере трудов своих, возведен будет правдою на ту именно степень, какой он достоин, и на какой должно ему пребывать. Как велико и число и различие степеней, так же велико и число и различие в достоинстве поселяемых; первая степень назначена покаявшимся, средина – праведникам, высота – победителям, чертог Божества над всем превознесен.

И Ной в самом низу ковчега поместил животных, в средине же птиц, а сам, подобно Богу, обитал в верхней части ковчега. И при Синае народ иудейский стоял внизу горы, священники на скате ее, Аарон на средине, Моисей на высоте, слава же Господня покрывала вершину горы.

Ковчегом и горою Синаем указана нам тайна, как разделяется сад жизни; в них Творец представил нам образ благоустроенного, во всем прекрасного и всем вожделенного рая; и высотою и красотою своею, по благоуханиям и произрастениям своим рай – пристань всех богатств; ими изображается Церковь.

3.

Невозможно и мысленно представить себе образ этого величественного и превознесенного сада, на вершине которого обитает слава Господня. У какого ума в состоянии будет око рассмотреть его, достанет сил исследовать его, и зоркости хотя достигнуть его взором? Богатство его непостижимо.

Можно полагать, что благословенное древо жизни по лучезарности своей есть солнце рая, светоносны листья его, на них отпечатлены духовные красоты сада; прочие древа, по веянию ветров, преклоняются, как бы покланяясь своему вождю и царю дерев.

Посреди рая насадил Бог древо познания, окружил его страхом, оградил ужасом, чтобы подобно ограде охраняли его окрестность. В одной заповеди, которою воспрещалось вкушать плодов сего дерева, Адам услышал две заповеди; надлежало ему бояться древа и почувствовать, что непозволительно даже подходить к нему.

Змию невозможно было войти в рай, потому и животным и птицам не позволялось приближаться к окрестностям рая. Когда же Адам вышел к змию, коварными вопросами, предложенными Еве, доведался он, что такое рай, и каков он.

Узнал проклятый, каково сие святилище, узнал, что от Адама и Евы слава его сокрывается в древе познания, узнал, что вход в двери святилища прикрыт заповедию, и догадался тогда, что в плоде дерева – ключ к правде, и что у преступивших заповедь очи отверзутся, и они исполнятся раскаяния.

Отверсты были очи у прародителей, но вместе и закрыты, чтобы не видели они славы, не видели также и позора, чтобы не видели славы внутреннего святилища, не видели также и телесной своей наготы. Оба сии познания сокрыл Бог в древе, и поставил древо как бы судиею двух сторон.

Как скоро Адам дерзнул, приступил и вкусил плода, – вдруг в одно мгновение излиялись в него оба познания, совлек и снял он оба покрывала с очей своих. Увидел человек славу Святое Святых и ужаснулся, увидел бесславие свое и устыдился, восскорбел и восстенал; хотя оба приобретенные им познания ходатайствовали о его прощении.

Всякий, вкушающий плода сего, должен или прозреть и стать блаженным, или прозреть и восстенать. Если вкушает преданный греху, то будет сетовать. Блажен, кто видит и не вкушает, впрочем не как этот отважный, у которого усугубились мучения, когда он алкал, но не мог вкусить рожец, которые видел.

Бог не дал Адаму видеть наготу, чтобы, если нарушит заповедь, тогда с наготою открылась вся гнусность его поступка, но не показал ему и Святое Святых, чтобы, если сохранит заповедь, тогда узрел, и больше возрадовался. Оба воздаяния сокрыл для того, чтобы Адам после борьбы за то и другое получил венец по трудам своим.

Бог поставил древо как бы судьею, чтоб оно, если человек вкусит плода его, показало ему достоинство, которое им утрачено по высокомерию, а равно, показало и бесславие, какое нашел он в наказание себе, а если одержит победу и восторжествует, облекло его славою и открыло ему, что такое стыд; и тогда человек, оставаясь здравым, имел бы познание и о болезни.

Человек сам по себе был бы здоров, и между тем в уме своем имел бы познание о том, что такое болезнь, и для него то, что имеет, было бы полезно, и то, что знает, служило бы приобретением. А когда человек в болезни, и имеет в уме своем познание о том, что такое здо ровье, тогда и болезнь тяготит его, и познание мучит его.

Если бы Адам одержал победу, то члены его покрылись бы славою, но умом своим познавал бы он, что такое страдание, тело его процветало бы и разумные силы его возвышались. Но змий извратил это, унижение дал ему вкусить на самом деле, а славу оставил только в воспоминании; что нашел человек то покрыло его стыдом, а что утратил, о том должен плакать.

Древо сие было для него образом двери, плод – завесою, закрывавшею храм. Адам сорвал плод, преступил заповедь, и едва увидел славу, которая лучами своими осияла его извнутри, как побежала прочь, и поспешила искать себе убежища под смиренными смоковницами.

Насадивший древо познания поставил его посреди, чтобы отделяло оно и высшее и низшее, и святое и Святое Святых. Адам приступил, дерзнул вой ти и пришел в ужас. Как царь Озия покрылся проказою, так обнажил себя Адам; и поелику поражен был подобно Озии, то спешил удалиться. Оба бежали и скрылись, потому что оба устыдились плоти своей.

Если бы все древа райские украшались тою же светозарностию, какая облекла славу, то как Херувимы закрывают лица крылами своими, так и древа закрылись бы ветвями своими, чтобы не взирать на Господа своего. Но все они устыдились за Адама, оказавшегося вдруг обнаженным, как скоро змий похитил его ризу, и сам лишился ног.

Поелику Адаму не был дозволен вход во внутренний храм; то храм сей был охраняем, чтобы довольствовался Адам служением во внешнем храме, и как служит священник, принося кадило, так служил бы и он, соблюдая заповедь. Заповедь для Адама была кадилом, чтобы ею вошел и пред лице Сокровенного, в сокровенный храм.

Тайна рая изображена Моисеем, устроившим два святилища, святое и Святое Святых. Во внешнее святилище доступ был всегда свободен, а во внутреннее дозволялось входить единожды. Так, Бог заключил для Адама внутреннее рая, и отверз внешнее, чтобы довольствовался он внешним.

4.

Правосудный видел, что послабление сделало бы Адама дерзким; Он знал, что если ослабит узду, то Адам прострется далее, и преступит малую и слабую преграду. Поэтому по необходимости поставил ему новые преграды. Слово и заповедь были ограждением древа, а Херувим и острие меча стали оплотом рая.

Адам в нечистоте своей хотел войти во Святое Святых, которое любит только подобных ему; и поелику отваживался войти во внутреннее святилище, то не оставлен и во внешнем. И море, когда в недрах своих увидит труп какого-либо животного, не оставляет его в себе, но выбрасывает вон.

Образ сего представлен в народе еврейском: всякий прокаженный в стане; его удаляли из стана, изгоняли вон; когда же очищался от проказы, тогда оказывали ему милосердие, священник окроплял его иссопом, кровию и водою, и прокаженный возвращался в жилище свое, вступал в наследие свое.

Чист был Адам, и в прекрасном этом саду, когда дунул на него змий, сделался прокаженным и оскверненным, и сад отверг нечистого и изринул из недр своих. Но Всевышний Первосвященник увидел что Адам изринут из рая, и преклонился, и снизошел к нему, и очистил его иссопом Своим, и ввел его в рай.

Адам был наг, но прекрасен; потрудилась заботливая жена его и изготовила ему одежду поругания. Увидел его сад едемский и опечалился, что и он был тому причиною. Мария разбойнику нашла иную ризу, которая украсила и осияла его обетованием. Сад едемский узрел разбойника, и с любовию принял его вместо Адама.

Моисей усумнившийся, хотя увидел обетованную землю, но не вошел в нее; пределом ему был Иордан. И Адам согрешивший изринут из рая жизни, и преградою ему был Херувим. Но оба введены Господом нашим, и вошли путем Воскресения – Моисей в обетованную землю, Адам же в рай.

Никакие уста не в состоянии изобразить внутренность сада сего и привлекательные красоты его наружности. Даже и простых украшений на ограде его не в состоянии описать они, как должно. Блистательны краски его, дивны благоухания, вожделенны красоты, многоценны яства.

У края ограды рая – последние из сокровищ его, но и они превосходят богатством все сокровища вселенной. Как ни малы сокровища низших пределов его в сравнении с сокровищами страны горней, однако же блаженство у самой ограды его гораздо превосходнее и выше всех благ этой нами обитаемой юдоли.

Пусть не гневаются на меня, что дерзнул язык мой изобразить превышающее силы его, и потому умалил недостаточным своим изображением. Поелику нет зеркала, в котором бы отражалась красота рая, и нет красок, которые бы живо описали его, то пусть не винят и мое произволение; для пользы нашей принял я труд составить изображение рая.

Скорбящему послужит это утешением, отроку – назиданием, большую славу принесет целомудренному, и бедному обратится в приобретение. Поэтому, каждый да уделит мне свой

мнас и свой кодрант, каждый да помолится о мне в Едеме, чтобы и мне достигнуть этой страны; потому что по мере сил моих говорю о рае, чтобы бедные вожделевали полноты обетований его.

И Ты, Всеведущий, не осуди моего изволения! И Ты, для всех Сокровенный, не порицай моей пытливости! Рождения Твоего, вполне сокровенного, не дерзаю я исследовать; там молчанием оградил я слово. Поелику же возблагоговел я пред рождением Твоим, то всели меня в рай. От всех любящих Тебя, хвала Тебе, Сокровенный!

5.

Созерцал я зиждительное Слово, и уподобился камню, который за народом еврейским последовал в пустыне (ср. 1 Кор. 10, 4). Не из собрания вод, содержавшихся в нем, изведены им обильные потоки; в нем не было водной влаги, но из него истекли моря. Так Божиим Словом все сотворено из ничего.

Моисей в книге своей описал творение природы, чтобы о Творце свидетельствовали и природа, и Писание, – природа когда пользуемся ею, Писание, когда читаем его. Сии два свидетеля обходят всякую страну, пребывают во все времена, они всегда пред нами, и обличают отступников, отрицающих Творца.

Читал я начало этой книги и вникал в каждую ее букву и в каждый стих, постепенно возводящий в высоту. Приветливо останавливало меня на себе первое, что развивалось предо мною, и связью речи завлекало к последующему. А как скоро дошел я до стиха, где пишется история рая, тогда увлек он меня из среды книги и перенес на лоно рая.

И око и ум, как по мосту, проходили по стихам, и востекали в обитель рая. Око возводило ум чтением, а ум давал оку отдых от чтения, потому что, по прочтении книги, око спокойно, трудится же ум.

И мостом к раю и дверию в него была мне эта книга; прошел я мост и вступил в рай; око осталось вне, а ум вошел внутрь; и начал я доведываться о том, чего не написано. Это светлая, чистая и велелепная высота – Писание называет ее Едемом, потому что на ней верх всякого блаженства.

Там видел я кущи праведников, которые источают из себя благовонные масти, разливают благоухание, убраны цветами, увенчаны вкусными плодами. Каково де лание человека, такова и куща его; одна ни же своим убранством, другая сияет своею красотою; одна менее с виду, другая блис тает славою.

Но меня усладил Едем более покоем своим, нежели своею красотою. В нем обитает чистота, и нет там места скверне; в нем живет покой, и нет там места смущению.

Спрашивал я потом, вместителен ли будет рай для всех праведников, которые должны обитать в нем? Касался в вопросах и того, что не написано, и научен из написанного: посмотри на этого человека, в нем жил легион всякого рода бесов; в человеке были они, и однако же не были приметны, потому что полчище это и проще и утонченнее самой души.

Так, целое полчище жило в одном теле; но стократ чище и утонченнее оного будет тело праведников, когда восстанут и будут они воскрешены. Тело праведников будет подобно духу, который может, когда хочет, расширяться и увеличиваться, и когда хочет, сокращаться и умаляться, и когда сократится, может быть в одном месте, а когда расширится, быть повсюду.

Выслушай другие подобия и вразумись. Тысячи лучей или искр солнечного света бывают в одном доме, десятки тысяч благоуханий носятся над одним цветником; и если заключены на малом пространстве, то как сие пространство наполняется ими, так и они все бывают распространены по оному. Так и рай, хотя полон духовных существ, но обширен для того, чтобы распространялись там существа сии.

Нет конца и числа помыслам, заключающимся в сердце, сколько оно ни мало; и хотя все оно преисполнено ими, но помыслы не стесняются в сердце, и не стесняют друг друга. Так и славный рай поместителен для чистых духов, которых сущности не может постигнуть мысль.

Сколько мог, воспел я рай, и готов был оставить его, но внезапно внутри рая раздался, как в стане, глас поющих при звуках трубных: свят, свят, свят! – и услышал я, как славословится в раю Божество. Блажен, кто сподобится рая по правде или по благости, по трудам или по щедротам!

Изумился я; ибо едва выступил из пределов рая, оставил меня и отступил от меня сопроводник. Когда же достиг пределов земли, порождающей терния, тогда сретили меня болезни и страдания всякого рода. И увидел я, что страна наша есть темница, что пред взорами у меня – заключенные; и они плачут об этой темнице, когда должны выйти из нее.

Дивился я, что и дети плачут при исшествии своем из утробы, плачут, что из тьмы призывают их во свет, что из тесноты идут они в мир. Так смерть для мира сего есть образ рождения; плачут те, которых земля сия, матерь страданий, рождает для сада радостей.

Умилосердись надо мною, Владыка рая, и если нет мне возможности войти в самый рай Твой, то помести меня, хотя снаружи, вблизи тех пажитей, которые в ограде его. Внутри его пусть будет трапеза для праведников, но плоды, произрастающие в ограде его, как крупицы и за пределы ее да падают для грешников, чтобы и они были живы по благости Твоей!

6.

Ключ учения, отверзающий всякую книгу, отверз очам моим и ту книгу, в которой читаю о сокровище кивота о венце закона, отверз и то писание, которое прежде всех других возвещает о Творце, объемлет все творения Его, дает видеть все лепоты Его, показывает все украшения Его.

Сие-то писание привело меня ко вратам рая, и едва вступил я, как оцепенел мой ум от удивления, потерялся изумленный рассудок, отказались чувства объять великолепие сокровищ, различить вкус яств, сравнить живость красок, совокупить воедино всю лепоту, изобразить словом представшее взору.

Все члены оковывает рай полнотою своих радостей, пленяет глаза своим убранством, слух – звуками, вкус и обоняние – яствами и благоуханиями. Благословен Призвавший в рай подвизавшихся во бдении и посте, чтобы за постничество свое насладились они утешением, упаслись на отрадных сих пажитях!

Одно воззрение на рай возвеличило, одно помышление о нем обогатило меня; упоенный его благоуханиями, забыл я свое убожество; обновленный разнообразием красот его, стал я как бы иной, и погрузился в волны славы его. О, как стал я упоен и забыл вины в этой стране, которая для обнаженного Адама была горящею пещью испытания!

И хотя много было для меня и одной волны его красот, однако же он взял и поверг меня в большее еще море. В лепоте его увидел я еще большие красоты, и размышлял: «если так славен рай, то сколько славен Адам, этот образ его Насадителя; сколько прекрасен крест, эта колесница сына Адамова – Господа»!

Не ради рая был создан человек, а напротив того, сам был виною насаждения рая. Чистое сердце драгоценнее растений, песнь – лучше плодов, слово – приятнее того, что произрастает на древах, вера человека многоценнее благовонных корней, любовь прекраснее всяких ароматов.

Бог насадил прекрасный сад и создал чистую Церковь, на древе познания пригвоздил заповедь; даровал радости, и не желают их, предостерегал, и не страшатся. В Церкви водру-

зил учение, которое радует обетованиями и устрашает угрозами; презритель сего учения погибает, а кто следует ему, тот спасается.

Церковь святых есть образ рая; в ней ежедневно собирается всеоживляющий плод и для пития влагается в точило грозд, исполненный животворного врачества. Змий приведен в изнеможение, связан проклятием; уста Евы запечатлены спасительным молчанием, и снова покорствуют Творцу.

Среди обитателей рая нет обнаженных, потому что все облечены славою; никто не прикрывается там листьями и не предстает посрамленным; в Господе нашем нашли они себе утраченную Адамом одежду. Церковь хранит слух их чистыми от змииного яда и от яда тех, которые, вняв змию, очернили новые и убеленные ризы свои, утратили одежду свою.

Никогда не утомляющаяся сила, никогда не изнемогающаяся мышца насадила и этот рай, украсила его без труда, убрала его всякого рода плодами. Творец увидел, и возвеселился, и стал обитать в сем раю, насажденном во славу Его, как и тот сад насадил Он в Свою же славу.

Добродетельные, неся плоды свои, шествуют в рай, красующийся всякими плодами; и своими деланиями постыжают этот дивно-прекрасный сад. Рай видит, что плоды праведников превосходят достоинством плоды дерев его, и что украшения победителей постыжают его убранство.

Блажен, кто сподобился увидеть в раю, как все собою превосходящие и величественно прекрасные плоды райских дерев постыжаются при виде плодов, приносимых праведниками! Цветы райские видят плоды сии, и сознают себя побежденными, приходят в страх, видя цветы девственников и святых, которых венец возвеселил и тварь, и Творца ее.

Плоды праведников Всеведущему благоугоднее всяких плодов и произрастений древесных. Красота природы превозносит достоинство духа, рай – достоинство ума, цветы – достоинство добрых нравов, сад – достоинство свободы, земля – достоинство рассудка. Благословен возвеличивший Адама!

Паче всех достославных украшений райских достойны прославления доблестные дела победителей, представивших в себе прекрасный образ рая. На них отпечатлена лепота едемского сада. Поэтому, оставив древа, восхвалим победителей, и вместо наследованных благ прославим приявших сие наследие.

Если изумляет нас красота рая, то тем паче восхищает лепота духа; одна – дело природы, а другая – дело свободной воли. Свобода поревновала едемскому саду, и от нее возникли и произросли победные плоды, и великолепием венцев превзошли райские украшения.

Сколько прекрасными представляются духовному оку превожделенные там вечери праведников, приглашающих и нас стать их братиями, ближними и сочленами! Ничто да не лишает нас, братия, общения с ними! Соделаемся их друзьями, а если не друзьями, то, по крайней мере, близкими к ним. О, если бы вселиться нам, ежели не в этих обителях, то, по крайней мере, окрест их!

Как достоин соревнования сподобившийся богатства их сокровищ! Сколь ко благословен приявший хотя каплю их благ! О, если бы сподобиться мне хотя малой доли в тамошнем! Пусть тогда посмотрит на меня и воссетует враг, который мечтал увидеть меня в мес те, какое он мне готовил, и увидит меня в обители, какую уготовали мне щедроты Твои!

Блажен, кто сподобится видеть светлую их ризу! Блажен, кто сподобится внимать их мудрости! Блажен слух, упоенный их гласом! Блажен, кто достиг их блаженства! Блажен, кто трудится, чтоб стать в числе первых! Горе тому, кто не позаботился стать даже последним!

Блажен, о ком ходатайствуют они пред Благим! Горе тому, на кого вопиют они Правосудному! Кто любит их, тот в Едеме; кто ненавидит, тот в преисподней. Отраднее будет Содому, нежели тому городу, где отрясли они прах (Мф. 10, 14–15). В том доме, где молились они мертвый возвращается к жизни, и водворяется там совершенный мир.

Если приходили они в Египет, то утоляли голод его. Если приходили к неразумному морю, то умудряли его жезлом. Если вступали в дикую пустыню, то освещали ее столпом. Если ввергаемы были в раскаленную пещь, то орошали ее прохладою. Если ввергаемы были в ров, то нисходил туда Ангел, и зверей научал посту.

Церковь их есть соль, осоляющая всю землю, предохраняя ее от гнилости. Церковь их просветила Восток, озарили Запад, ими восставлен Север, научен Юг. Они восходили на небо, и отверзали его; нисходили в море, и исследовали его глубины. Тайну, открытую Апостолам в притчах, распространили они по всем странам и всем возвестили. Целый мир принял тайну сию, чтобы в ней обрести себе силу.

Один из святых рассекает воздух своею колесницею, Ангелы с поспешностию сретают его и облеченного плотью видят в обителях своих. Но как земнородный в одежде славы возшел на колеснице на небо, так Господь по благости Своей низшел, облекся плотью, возседши на облако вознесся, и царствует над горними и дольними.

Огнезрачные духи – Ангелы – удивились Илии, когда увидели в нем вожделенное сокровище; дивились они персти, и славили Образовавшего сию персть, с радостию видя в ней девство, которое возвышает дольних и в изумление приводит горних. На земле предстоит ему брань, а в раю – венец.

Любовь и обучение, соединенные с истиною, могут образовать дух и обогатить его новыми сокровищами, если разумно проникает он в сокровищницу тайн. С любовию поучился я и познал, что в раю пристань победителей. Поелику сподобил Ты меня зреть рай, то сподоби и войти в него!

7.

В искушениях утешайте себя обетованиями! Неложно слово Того, Кто на всех изливает дары Свои; не так скудна Его сокровищница, чтобы могли мы опасаться неисполнения обетований Его. Сына Своего Он предал за нас, чтобы уверовали мы. С нами Его плоть, с нами и истина Его. Он пришел и дал нам ключ Свой; потому что сокровища Его нас ожидают.

С наступлением вечера мир смежает очи и погружается в сон, и с наступлением утра снова пробуждается. Так, в таинственном смысле теперь ночь, и Мздовоздаятель еще вдали; но наступит день и Он явится. Не будьте, братия, нерадивы, не думайте, что подвиг ваш продолжителен, воскресение отдалено. Вот смерть за нами, и пред нами воскресение.

Будьте терпеливы сетующие, вы войдете в рай. Роса его омоет вашу нечистоту; пристанище его возвеселит вас; вечеря его положит конец вашим трудам; венец его утешит вас; вечеря его подает алчущим утешение, а оно очищает вкушающих его; предложит жаждущим небесное питие, а оно умудряет пиющих его.

Блажен нищий, устремляющий взор к этой стране, наполненной несметным множеством богатства! Аметисты и другие драгоценные камни отложены вне ее, изринуты оттуда, как сор; они осквернили бы эту страну славы. Если бы внес кто туда бериллы и прочие драгоценные камни, они показались бы мутными и темными в этой лучезарной стране.

И мужи и жены облечены в светлую ризу, славою закрыта нагота их составов, умолкли постыдные движения в членах, заграждены источники похотений, яд истреблен, душа чиста и зеленеют в Едеме сладости, как пшеница без плевел.

Торжествует там девство о том, что исчез змий, тайно в слух его вливавший свой яд. Исполнившись радостного усердия, говорит ему смоковница: «приведи на память невинное девство свое, вспомни тот день, когда, обнажившись, укрывалось ты в лоне моем. Хвала Тому, Кто наготу твою прикрыл ризою!»

Радуется там юность, что одержала победу, видит в раю Иосифа, который совлек себя и отринул сладострастие, пламеневшее в безрассудных, и победил аспида в собственной его

норе. Победителя львов Самсона преодолела ехидна, угрызла его, и вскоре утратил он власы своего назорейства.

Успокоеваются там жены, жестоко пострадавшие здесь в болезнях проклятия и муках чадорождения. С радостию видят они, что младенцы их, которых с воплями предавали погребению, подобно агнцам пасутся на пажитях едемских, поставлены на высоких степенях славы, сияют лучезарным светом, как братия пречистых Ангелов.

Славословие Милосердому, Который нередко так рано пожинает детей – поздний плод престарелых родителей, чтобы в раю стали они плодом первородным! Новое это зрелище – видеть, как одни плоды пожинаются там другими плодами, первородные – первородными, и как пожатые уподобляются чистотою пожинающим.

Прилепись духом к раю, о старость! Воня его возвратит тебе девство, дыхание его соделает тебя юною, он облечет тебя в лепоты, которыми прикроются нечистоты твои. В Моисее представлен твой образ. Его покрытые морщинами ланиты, цветя и сияя, стали образом старости юнеющей в Едеме.

Нет темных пятен в обителях рая, потому что чисты они от греха; нет в них гнева, потому что свободны от всякой раздражительности; нет насмешки, потому что свободны от всякого коварства; не делают они друг другу вреда, не питают в себе вражды, потому что свободны от всякой зависти; никого там не судят, потому что нет там обид.

Там сыны человеческие видят себя во славе, и сами себе дивятся, почему плотяная их природа некогда возмущаемая и возмутительная, теперь спокойна и чиста, почему наружно красотою и внут ренне чистотою сияют, видимо – тело, а невидимо – душа.

Скачет в раю хромый, который не мог и ходить; по воздуху носится там увечный, который не двигался с места. И очи слепых, от матернего чрева алкавшие света и не зревшие его, восхищены райскою красотою, звуком райских цевниц возвеселен слух глухих.

Кто не дозволял себе ни проклятия, ни злоречия, того прежде всех ожидает райское благословение. Кто взор очей своих постоянно хранил чистым и целомудренным, тот узрит наивысшую красоту рая. Кто всякую горечь подавлял в своих помыслах, у того в членах потекут источники сладостного веселия.

Возгнушавшаяся увядающим брачным венцом дева возсияет там в брачном чертоге праведников, который любит чад света. Поелику возненавидела она дела тьмы, и поелику жила одиноко в доме; то возвеселит ее там брак, и будет она утехою Ангелов, радостию Пророков, славою Апостолов.

Кто с Даниилом, которому воздавали честь цари, преклоняясь пред ним в своих диадимах, в пищу себе избрал овощи, такого постника вместо царей почтут там древа, преклоняясь пред ним во всей красе, взывая ему: «войди в кущи наши, живи под нашими ветвями, окропляйся нашею росою, наслаждайся нашими плодами».

Кто омывал ноги святым, того очистит эта роса. Кто простирал руку, чтобы снабжать бедных, пред тем сами собою наклонятся плоды с оных дерев. Все множество цветов радостно поспешит увенчать ногу, ходившую посещать больных, и друг у друга будут оспаривать, кому прежде облобызать ее стопу.

Кто с мудрой умеренностию воздерживался от вина, того преимущественно ожидают к себе райские виноградники и каждая лоза простирает к нему свои грозды. А если он девственник, принимают его в чистые недра свои, потому что, живя одиноко, не познал он супружеского лона, не восходил на брачное ложе.

Венчавшиеся здесь мечем за Господа нашего славно в венцах своих восторжествуют там победу; потому что тела их посмеялись огню мучителей. Как звезды сияют там седмь

сынов света[1] – этот победный венец их матери; потому что смертию своею посрамили они ярость нечестивого.

Блаженство страны той обновит жен, потрудившихся в служении святым. Там увидят они, как блаженствует в Едеме вдовица, приявшая в дом свой Илию.

Вместо двух питавших ее источников – водоноса и чванца[2] дают ей пищи в Едеме древесные ветви; потому что препитала она бедных.

Там нет ничего, что не служило бы на пользу; и былия[3] издают там приятное благоухание, и снеди в Едеме прекрасны. Кто вкушает их, тот юнеет, кто обоняет их, тот делается прекрасным. Каждый цветок скрывает в недрах своих воскресение и готов подать тому, кто сорвет его; каждый плод носит в себе сокровище и готов вручить тому, кто возьмет его.

Никто не утруждается там, никто не алчет, потому что никто не грешит. Никто не чувствует там раскаяния, потому что нет там кающихся. Подвизавшиеся на поприще не выходят там на подвиг, и пребывают в покое. Нет там старости, потому что нет и смерти; нет там предаваемых погребению, потому что нет и рождающихся.

Нет у них печали, потому что свободны от всяких страданий; нет у них опасения, потому что далеки от всяких сетей. Нет там противника, потому что брань кончена. Непрестанно себя и друг друга именуют блаженными, потому что прекратились их брани, венцы получены и в кущах их покой.

Взирал я на эту страну и сидел, оплакивая себя и подобных мне. Миновались дни мои, протекли, как единый день; они утратились и исчезли; а я и не замечал. Объяло душу мою раскаяние потому что утратил я и венец, и имя, и славу, и ризу, и светлый брачный чертог, и трапезу Царствия. Блажен, кто сподобился их!

Со слезами да умоляют там о мне все сыны света, чтобы Господь наш им даровал единую душу, а мне новый повод славословить Величие, так многообразно простирающее воспомоществующую руку Свою. Воздающий по правде, но и не без благости, по щедротам Своим да дарует мне из сокровищницы милосердия Своего!

Если в страну сию невозможно войти оскверненному: то дозволь мне при ограде ее обитать под тению ее. И как рай подобен трапезе, то дозволь из милости, хотя вне рая, приять и вкусить плодов его, чтобы исполнилось на мне сказанное: *и пси едят от крупиц… господей своих* (Мф. 15, 27).

Тогда изведаю я преподанное мне в притче о богатом, который не уделял бедному даже крупицы с трапезы своей; увижу, как Лазарь превитает[4] в раю, увижу, как жестоко мучится богатый, и отвне содрогнусь пред строгостию правосудия Твоего, а внутренно ободрюсь веянием благости Твоей.

Всели меня при ограде этого сада, чтоб мне быть в соседстве с вселенными внутри рая, и чтоб позавидовали мне кромешные. Кто может вместе видеть и блаженство и мучение, иметь пред взором и геенну и сад едемский? Венец обитающих внутри Едема покажет мне тяжесть вины моей, а мучение кромешных вразумит меня, сколько милосердуешь о мне Ты.

Чье око может вынести то и другое зрелище? Чей слух может стерпеть глас – и тех воплей, с какими нечестивые в геенне хулят Правосудного, и тех песнопений, какими славословят Его праведники в едемском саду? С удивлением те и другие взирают одни на других, тем и другим открыты дела, по которым достойны осуждения нечестивые.

Да не обнаружены будут вины мои пред ближними моими в день тот! Впрочем, это соделало бы меня, Господи, еще более презренным. Если вины мои известны Тебе, то от кого

---

[1] Святые мученики Маккавеи.

[2] Небольшого кувшина.

[3] Трава, растения.

[4] Живет, пребывает.

мне скрывать их? Стыд сделал я идолом для себя. Даруй мне, Господи, иметь страх пред одним Тобою всемогущим, и стыдиться единого Тебя милосердого!

Поставил человек как бы божеством себе ближнего: ему старается он всегда угодить; его стыдится, если сделает проступок; его боится, если ведет себя худо; от его похвалы теряет и цену доброго своего дела; поэтому, человек в полном смысле стал рабом рабов. Ты, Благий, даровавший нам свободу, которую отдали мы в рабство, соделай и то, чтобы Тобою заменить нам того владыку, которого сами мы поставили над собою!

8.

Написанное в книге слово вошло в слух мой и возвеселило меня; оно изображает историю разбойника; и душа моя утешилась, смотря на множество его злодеяний, потому что Господь помиловал и разбойника. Поэтому и я получил надежду, что войду в тот сад, которого имя слышал, и восхитился им. Дух мой разорвал оковы мои, и я поспешил видеть его.

Узрел я там обитель и светоносную кущу и слышал глас, который говорил: «блажен разбойник, туне приявший ключи от рая»! Я ожидал встретить его там, но подумал, что душа не может в раю чувствовать без участия ее органа и орудия; и в стране радостей объяла меня скорбь, что безполезным оказалось мое исследование тайн.

Мысль о разбойнике навела меня на такой вопрос: если душа может видеть и слышать без участия плоти, то для чего она заключена в ней? Если же без нее не имеет жизни, то почему не умирает с телом?

Душа не может видеть без тела; это доказывает о ней самое тело. Если тело лишено зрения, то с ним вместе слепотствует и ощупью ходит и душа. И тело, и душа имеют нужду друг в друге, и сами свидетельствуют о том. Как телу нужна душа, чтобы ему жить, так душе нужно тело, чтобы ей видеть и слышать.

Если тело немотствует, немотствует вместе с ним вместе и душа; а также и болезнует она, если тело в болезни; и хотя в отдаленности от тела и сама по себе душа здрава, однако же принимает участие во всем, что касается до тела. Она подобна младенцу в матернем чреве, который имея в себе жизнь, не имеет слова и разума.

А если душа, находясь в теле, пока оно в младенческом состоянии, не может познавать и себя самой и сопряженного с ней тела; то не делается ли немощною по разлучении с телом, когда ни вне себя, ни в себе самой не имеет чувственных органов, которыми бы могла воспользоваться, как орудиями? Не посредством ли только чувств сопряженного с душею тела проявляет она себя и делается видимою?

Ни в чем не имеет недостатка эта благословенная обитель, эта страна вполне по всему совершенная; не может ли же войти в нее душа одна, не имея ни чувств, ни разумения? Конечно войдет в день Воскресения, когда тело совершенным восприимет все эти чувства.

Когда Творческая рука образовала плоть и назначила ее песнословить Творца своего, тогда безмолвная цевница сия не издала не единого звука, пока Творец не вдунул, напоследок, в тело души, которая возбудила в нем песнь. Тогда уже и струны стали звучащими, и сама душа приобрела в них слово мудрости.

Когда Господь довершил создание Адама, тогда взял его и поселил в раю. Ни душа без тела, ни тело без души не могли войти туда, но чистые и совершенные вошли вместе в эту совершенную обитель. Вместе и вышли из нее, соделавшись нечистыми. А это показывает, что вместе и войдут в день Воскресения.

Адам был беспечным стражем рая, потому что хитрый тать вошел туда расхитить его, и без внимания оставил плоды, к которым поспешил бы всякий другой, похитил же самого

обитателя сада. Господь наш пришел взыскать Адама, и изшел, и обрел его в шеоле,[5] извел оттуда, и ввел в рай – в те вожделенные обители при райской ограде, где обитают души праведников и святых, ожидая там возлюбленных тел своих, чтобы, когда отверзутся двери сада, и тела и души воскликнули: Осанна! Благословен Изведший одного Адама и снова Вводящий со многими!

9.

На земле – подвиг, в Едеме – венец славы. И небо и землю обновит Бог при нашем воскресении, и тварь освободит и возвеселит вместе с нами. Земля – матерь наша – потерпела поругание, подверглась проклятию за грешников; но за праведников Благий благословит нашу питательницу, вместе с чадами ее и обновит ее.

Лукавый растворил чашу свою и яд свой показывает всякому, всем скрытно расстилает сети свои, расставляет тенета свои, везде растит плевелы, чтобы подавить благочестивых. Но Благий в прекрасном раю услаждает для них горечь, украшает их светлыми венцами, и за то, что понесли крест свой, возносит их в Едем.

Если хочешь войти к Древу жизни, оно ветви свои, как ступени, преклоняет к стопам твоим, призывает тебя на лоно свое, чтобы воссел ты на ложе ветвей его, готовых преклонить пред тобою хребет свой, объять и тесно сжать в обилии цветов и упокоить, как младенца на матернем лоне.

Кто видел трапезу на ветвях сего древа? Целые ряды плодов всякого рода под руками вкушающего; по порядку один за другим сами приближаются к нему; плоды насыщают и утоляют его жажду, роса служит ему омовением, листы – чистым платом. Не истощается сокровищница у богатого всем Господа.

Среди самого чистого воздуха стоят там твердо укоренившиеся деревья; внизу покрыты они цветами; вверху полны плодов; от зрелых плодов тучнеет их вершина, а нижние ветви все – в цветах. Кто когда слышал или видел, чтобы носилось над головою облако, подобно куще, в которой свод из плодов, и под ногами цветной стелется ковер?

Едва оставляют тебя волны одного потока отрад, манит к себе уже другой.

Все исполнено там радости. Здесь вкушаешь плод, а там освежаешься питием; здесь омываешься чистою росою, а там умащаешься благовонною влагой; здесь обоняешь благоухание, а там слышишь услаждающую песнь. Благословен Возвеселивший Адама!

Попеременно веют там приятные ветры, и спешат услужить, подобно Марфе и Марии. Не прекращается вечеря, и никогда не бывает без званых. Утомившаяся Марфа дерзнула некогда возроптать на Того, Кто призывал ее в рай, где служащие при вечере не знают утомления.

Туда и сюда носятся пред праведниками ветры в раю; один навевает им пищу, другой изливает питие; дыхание одного есть тук, а веяние другого – благоухающая масть.[6] Кто видел такие ветры, которые бы дыханием своим то насыщали как яствами, то служили питием, то орошали прохладой, то умащали?

Духовно питают там ветры живущих духовно; не утомляет тамошняя вечеря; рука не утруждается; нет дела зубам; не обременяется чрево. Кто наслаждался когда такою неутомительною трапезою, насыщался без пищи, упоялся без пития, веянием одного ветра утолял жажду, и вея нием другого насыщался?

Смотри, как ощутительно изображается сие в произрастениях. Ветер вскармливает пшеницу и другие класы, питая их своим дыханием и утучняя их своею силою; не тем ли

---

[5] В аду, преисподней.

[6] *Тук* – сласть; *масть* – помазание, миро.

паче ветры благословения воспитывать разумные и духовные насаждения рая? Для духовных существ и пища духовна.

Умные ветры питают там разумных. Дыхание их утучняет тебя, веяние их услаждает тебя. Один умащает тебя, другой навевает тебе отраду. Кто испытывал когда такое удовольствие – вкушать без рук, пить без уст, так чтобы одно приятное дыхание ветра было для него и пищею и питием?

Смотри, и доныне еще бывает сие на этой терния пораждающей земле; доныне на этой проклятью отданной ниве ветром в недрах класа воспитывается пшеница по всевышней воле Всемогущего. Дыхание ветра как бы матерними сосцами питает ее, представляя тем образ, как питаются духовные.

Если пшеницу – эту пищу плоти, которой большую часть извергает из себя плоть, воспитывает воздух, утучняют ветры, то чистые ветры из едемской сокровищницы могут ли вредить существам духовным? Тонкие соки составляют питание существ духовных.

И огонь научит тебя, что все питается воздухом. Можно ли представить какое-либо место, где не было бы воздуха? Его дуновение угашает огонь, его дыханием поддерживается пламень. Кто видел матерь, которая все и всем питала бы? Все зависит от воздуха, а он зависит только от того Единого, Чьей силою питается все.

Да посрамятся халдеи, которые так много думали о небесных светилах, утверждая, что они питают все и всем; и звезды, и семена, и солнце, и пресмыкающихся, и людей питает воздух; его дыханием, как сказал я, питается и огонь, по природе сродный светилам.

Душа без воздуха воспаряет горé, но она сама служит опорой телу; на ней покоится плоть наша; она уготовляет нам хлеб; она делает плодоносною ниву нашу. Таков и благословенный воздух; он услаждает, насыщает, напоевает существа духовные, в нем они воспаряют, им омываются, он для них – море наслаждений.

Райское благоухание насыщает без хлеба; дыхание жизни служит питием, чувства утопают там в волнах наслаждений, какие изливают на всех и во всех возможных видах. Никто не чувствует обременения в этом сонме радостей, и все непрестанно без пресыщения упоеваются ими, изумевая пред величием Божиим.

Ныне алчут и насыщаются плоти, а там вместо плотей души ощущают голод, и душа вкушает сродную ей пищу. Паче всякой снеди душа услаждается Тем, Кто питает все, Его насыщается лепотами, пред Его изумевает сокровищами.

Тела, заключающие в себе кровь и влагу, достигают там чистоты одинаковой с самою душею. Крыла души, здесь обремененной, там делаются гораздо чище и уподобляются тому, что в ней всего выше – уму. Самый ум, который мятется здесь в своих движениях, там безмятежен, подобно Божию величию.

Душа достоинством своим выше тела, а ее превышает в достоинстве дух и выше духа сокровенное Божество. Но при конце плоть облечется в лепоту духа, и дух уподобится Божию величию.

Там плоти возвышаются до степени душ, душа возносится на степень духа, а дух, со страхом и любовию устремляясь, восходит до высоты Божия величия. Не заносится он слишком высоко, и не останавливается долго на одном; и замедление его разумно, и парение его спасительно.

Если алчешь пищи, то посрамляет тебя Моисей, который, не запасаясь пищею, восшел на вершину горы, и там без пищи крепок был телом; терпя жажду, делался еще прекраснее. Кто видел человека, который бы, не вкушая пищи, питался зрением, и цвел красотою, упоевался гласом, и укреплялся? Его утучняла слава, упоевала светлость и лучезарность.

Всякая наша пища – только гной, отсед ее для нас отвратителен, зловоние несносно, обременительность ее делает нас неповоротливыми, излишество причиняет нам вред. Если

же и такая пища услаждает и утучняет, то сколько должна услаждаться душа потоками радостей, когда силы ее питаются сосцами премудрости!

Там на сонм созерцающих льются потоки утех от славы Отца чрез Его Единародного, и все услаждаются на пажити созерцания. Кто видел, как алчущие насыщаются, утучняются и упоеваются потоками славы, изливающимися от лепоты Того, Кто есть вечная лепота?

Он, Господь всяческих, есть и сокровищница всего. Каждому, по мере сил его, как бы в малое отверстие, показывает Он лепоту сокровенного существа Своего и сияние величия Своего. И сияние Его с любовью озаряет всякого, малого – слабым мерцанием, совершенного – лучами света; полную же славу Его созерцает только Рожденный Им.

В какой мере очистил кто здесь око свое, в такой и там возможет созерцать славу Того, Кто превыше всего. В какой мере здесь кто отверз слух свой, в такой и там преобщится Его премудрости. В какой мере здесь кто уготовал недра свои, в такой там приимет из сокровищ Его.

Господь дары Свои дает в меру, соразмеряя с силами приемлющего: дает Себя и видеть по мере сил нашего ока, и слышать по мере сил нашего слуха, и славословить по мере сил наших уст, дает Он и мудрость по мере сил нашего языка. Потоки благ изливаются от благодати Его; она ежечасно обновляется в яствах, благоухает в благовониях, обнаруживается в каждой силе, сияет в цветах.

Кто видел целые сонмы питающихся одною славою? Ризы их – свет, лица их – сияние: постоянно поглощают и источают они полноту благодати Божией. В устах у них – источник мудрости, в мыслях – мир, в ведении – истина, в исследованиях – страх, в славословии – любовь.

Даруй, Господи, возлюбленным моим, чтобы и мне и им обрести там хотя последние останки благодати Твоей. Созерцание Возлюбленного Твоего есть источник блаженства. Кто сподобился насладиться им, тот презирает всякую снедь, потому что выну созерцающий Тебя утучняется лепотою Твоею. Хвала Твоему велелепию!

10.

Какие уста изобразят рай? Какой язык опишет славу его? Какой ум составит себе подобие лепоты его? Сокровенное лоно его недоступно созерцанию. Поэтому с удивлением буду взирать на одно внешнее; и это покажет мне, сколько далек я от сокровенного.

Благорастворен воздух, окружающий рай совне: вблизи его каждый месяц благорастворен; пасмурный Шевот (февраль) там ясен, как Иро (май), хладный и бурный Конун (январь) плодоносен там, как Ов (август), а Зирон (июнь) подобен Низану (марту), палящий Фомуз (июль) – росоносному Тисри (сентябрю).

И самые угрюмые месяцы цветут там роскошною приятностию, потому что приятен воздух в соседстве с Едемом. Всякий месяц рассыпает цветы вокруг рая, чтоб во всякое время готов был венец из цветов, которым бы увенчать Ему хотя стопы рая, когда недостоин увенчать главу Его.

Бурным месяцам с их ветрами нет доступа в рай, где господствует мир и тишина. Если уже и в том воздухе, который окрест рая, препобеждаются бури самых бурных месяцев; то могут ли они коснуться благословенного воздуха, который небесным своим дыханием делает людей бессмертными?

Неиссякаемый льется там поток произведений каждого месяца; и каждый из них приносит плоды свои, вскоре за цветами. Кипят там усладительные источники вина, меда, млека и масла. Один (декабрь) производит стебль, а другой (январь) колос, и (февраль) похищает его украшение, принося уже снопы.

На четыре порядка разделены там все месяцы. В третий месяц поспевают первенцы плодов, в шестой – плоды тучные, в девятый – плоды твердые. И наконец, венцем лета бывают благоухающие злаки и плоды, услаждающие вкус.

С переменами луны изменяется цветение. В начале луны раскрываются недра ветвей, в полнолуние полнеют и расширяются во все стороны; с ущербом снова свертываются и при конце опадают; при начале же новой луны дают новые отпрыски. Луна – ключ от их недр, и отверзает и замыкает их.

В раю плоды и цветы особенным образом особенные составляют сокровища, еще более уразноображенные взаимным их смешением. Пусть оба цветка близки друг к другу и каждый из них имеет свой цвет; если они соединены между собою, то дают от себя новый цвет; а если плоды их соединены, то производят новую красоту, и листья у них получают уже новый вид.

Плодоносие райских дерев подобно непрерывной цепи. Если собраны и опали первые плоды, появляются за ними вторые и третьи плоды. Кто когда видел, чтобы поздний плод держался как бы за пяту первых плодов, подобно тому младенцу, который держался за пяту старшего брата?

Плоды райские один за другим следуют и произрастают подобно непрерывному рождению людей. Между людьми есть старцы, люди среднего возраста, юноши, младенцы уже родившиеся и младенцы зачатые в утробе, которым должно еще родиться. Так плоды райские следуют один за другим, и появляются подобно постоянному преемству человеческого рода.

Река человечества течет во всех возрастах, – есть старцы, юноши, отроки, дети, младенцы, питающиеся матерним молоком и носимые в матерней утробе. Так родятся и плоды, – есть первенцы, есть и последние, повсюду волны плодов и обилие цветов.

Блажен грешник, который обретает помилование в нашей стране, и удостаивается быть принятым в окрестности рая, чтобы по благодати пастись ему хотя вне рая.

Хвала Правосудному, владычеству ющему с благостию! Благ, не вовсе Заключающий пределы свои, но по безпредельной любви Своей Нисходящий и к нечестивым; над достоянием Его распростерто облако благостыни Его, и на сущих во пламени дождит оно щедроты Его, чтобы и мучимые могли вкусить прохлаждающей росы.

11.

Райский воздух есть источник наслаждения; им упитывался Адам в своей юности; веяние его новосозданному Адаму служило как бы матерними сосцами; он был юн, прекрасен и весел. Но как скоро пренебрег заповедь, – соделался печальным, и старым, и немощным, понес на себе старость, как трудное бремя.

В благословенной стране блаженства нет ни вредоносного холода, ни палящего зноя. Там пристань радостей, там собрание всяких утех; там обитель света и веселия; там раздаются повсюду звуки гуслей и цевниц, слышны всею Церковью воспеваемые осанна и аллилуия.

Вместо ограды окрест рая – всеобвеселяющий покой, вместо стен и предградия – всеумиротворяющий мир. Херувим, стрегущий рай, приветлив к блаженным, обитающим в раю, и грозен для отверженных, которые вне рая. Что слышишь о чистом и святом рае, все то чисто и духовно.

Кто слушает описание рая, тот не может судить о нем; потому что описание рая не подлежит суду. По наименованиям рая можно подумать, что он земной; по силе своей он духовен и чист. И у духов имена одинаковы, но святой отличается от нечистого. Кто говорит,

тот кроме имен, взятых с предметов видимых, ничем иным не может слушающим изобразить невидимого.

Если бы Сам Творец едемского сада не облек величия его именами, заимствованными от нашей страны, то как изобразили бы его наши уподобления? Если человек останавливается на одних именах, которые Божие величие употребило для изображения Едема, то самими теми наименованиями, которые употреблены для нас, стесняет он достоинство Едема и унижает Благость, Которая высоту Свою преклонила к нашему младенчеству, и поелику человеческая природа далека от разумения Едема, облекла его в образы, чтобы возвести к первообразу.

Ум твой не должен смущаться сими именованиями. Рай облечен именами, сродными тебе не потому, что он имеет нужду в образах, от тебя занятых, но потому, что природа твоя весьма немощна и мала пред его величием, хотя красоты его умаляются, когда очертываются слабыми, тебе сродными, образами.

Поелику слабые глаза не в силах видеть лучи небесных красот его, то Бог облек древа его именами наших дерев, смоковницы его нарек именем наших смоковниц, листья его изображены подобными листьями, какие видим у нас, чтобы все это сделать удободоступным разумению облеченных плотью.

Цветы этой страны гораздо многочисленнее и блистательнее звезд, усматриваемых на видимом небе; благодатное благоухание, веющее из рая, как врач, утоляет часть болезней на проклятой земле, и целебною силою врачует ту болезнь, которая принесена на землю змием.

Веянием, исходящим из благословенной части рая, услаждается горечь нашей страны, изглаждается проклятие нашей земли. Едемом еще дышет наш изнемогающий мир, заматоревший в болезнях; им проповедуется, что нашей мертвенности послано врачевство жизни.

Когда собраны были блаженные Апостолы, – произошло там сильное колебание, и веяние рая, носившееся в сих обителях его, излияло благоухания свои. Оно помазало проповедников, которые должны были научить и привести званных на райскую вечерю, и радуется о приходящих на оную, потому что любит людей.

12.

Сподоби и меня, по благости Твоей и при помощи Твоей же благодати, достигнуть этой сокровищницы мастей, этого хранилища благоуханий, чтобы и мне, алчущему, усладиться веянием ароматов. Благовоние рая всегда всех насыщает. Кто обонял его, тот от удовольствия забывает о всякой снеди. Благословен Уготовавший сию царскую трапезу в Едеме!

Возродилось во мне еще любопытство; желал я спросить, и боялся на это отважиться; но руководивший мысль мою облек мудростию вопрос, родившийся в уме моем; и поверил я всему, что было им сказано мне; потому что в словах изображалось именно то, что хотел я знать.

Спрашивал же я: как змей обольститель достиг познания Божией Заповеди? И получил ответ: по слуху знал змий истину тайны, и вероятно, что он мог знать сие по слуху. Глас был к Адаму, предостерегавший от древа познания добра и зла.

Хитрец слышал сей глас, и склонился к преступлению, обольстил делателя, чтобы прежде времени сорвал он плод, которого приятность в свое время стала бы инаковою, но для сорвавшего его прежде времени заключала в себе горечь. Хитрец прикрыл истину обманом, ибо знал, что дерзновенных постигнет совершенно иное, потому что благо, приобретаемое чрез грех, обращается в проклятие приобретающему.

Вспомни Озию, который дерзнул вой ти в святилище. Поелику искал он себе первосвященства, то потерял царст во (2 Пар. 26, 16–21). Адам хотел приобрести, и усугубил свою

нищету. В святилище можете видеть древо, в кадильнице – плод, в проказе – наготу. И Озия, и Адам потерпели вред от двух сокровищниц.

Но изшел другой неодолимый Борец, облекся в то оружие, с которым был побежден Адам. Враг увидел оружие и возрадовался, не чувствовал, что будет расхищен. Что должно было привести его в ужас, то сокрыто было внутри; а что ободряло его, то было открыто ему. Лукавый пришел победить, и сверх чаяния остался побежденным.

Два древа насадил Бог в раю – Древо жизни и древо познания: оба они – благословенные источники всех благ. При их посредстве человек может уподобиться Богу, – при посредстве жизни не знать смерти, и при посредстве мудрости не знать заблуждения.